

ДЕТЕКТИВНЫЕ ШАЛОСТИ

Ольга
Степнова

Уж за муж не втерпел

ЭКСМО

Ольга Юрьевна Степнова

Уж замуж невтерпех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165902
Ольга Степнова. Уж замуж невтерпех: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08274-3

Аннотация

Привет! Меня зовут Лора Киселева, я почти красавица, работаю на трех работах, а сегодня буду у вас Снегурочкой! Да, под бой курантов я выскочу из торта и поздравлю с наступившим Новым годом... Сначала все шло как по маслу, а вот дальше сценарий серьезно изменился. Известный финансовый магнат Балашов, поздравлять которого я пообещала, на моих глазах едва не стал покойником – и все благодаря своей жене и ее любовнику, а по совместительству балашовскому заместителю... Ух, как обидно мне стало за беднягу-финансиста, а потому я решительно приняла его сторону. И в большом доме начались жуткие дела... Любовник вскоре был найден застреленным. Но ни Балашов, ни, естественно, я не собирались лишать его жизни. Тогда кто?.. Пока я размышляла, таинственный преступник бродил по комнатам и продолжал убивать...

Ольги Степнова

Уж замуж невтерпех (Снегурочка в беде)

Ненавижу свое отражение в зеркале. Хоть я и не уродина. А даже наоборот.

Я почти красавица. У меня темные волосы до плеч, большие серые глаза, правильные черты лица и хорошая фигура, соответствующая стандартным представлениям о хорошей фигуре. Рост у меня средний. Наверное, все это «среднее» и «стандартное» как раз и не позволяет мне считать себя красавицей.

И еще. Уставшая женщина не может быть красивой. А я очень устала. У меня три работы, мама инвалид, сын Васька девяти лет, и очень деятельный муж, который на неделе выдает по три варианта идей, на которых можно разбогатеть. При этом он нигде не работает, потому что везде мало платят.

Я устала так, что совсем забыла, как чувствует себя человек не уставший. Я хочу спать даже во сне, а моя самая большая мечта – просидеть заложницей в подвале у чеченских террористов неделю, нет – месяц; чтобы раз в день, лязгая замками, открывалась железная дверь, и безликая рука просовывала мне алюминиевую миску с дрянной едой. Только никто никогда не возьмет меня в заложники, потому что некому и нечем платить за меня выкуп.

Сегодня я встала в шесть. Я встаю без будильника, он у меня внутри. Я зашла к маме в комнату, и она мне крикнула:

– Лорка! Ты проспала. Я уже полчаса как описалась.

– Мам, – вздохнула я, – ну почему ты не позвонила в колокольчик?

– Я позвонила! – возмутилась мама и потрясла перед моим носом шнурком, оторванным от колокольчика.

Я поменяла ей белье, умыла из тастика, и потащила к стиральной машине. Каждое утро у меня начинается со стирки.

– Лорка! – вслед сказала мне мама. – Мне на завтрак жидкую манку с клубничным вареньем!

– Мам, я вечером гречку сварила!

– Я так и знала, – тихо сказала мама, – что если я заболею, мне воды никто не подаст. –

Она отсутствующим взглядом уставилась в окно, на котором мороз нарисовал замысловатые узоры, и за которым было абсолютно темно. Она просила меня никогда не закрывать шторы.

– Мам, манку пять минут варить, и клубника еще осталась.

Закрывая дверь, я увидела, как она отвела взгляд от окна и в глазах у нее была искренняя радость, что на завтрак будет не гречка, а манка, и что клубника еще осталась...

– Лорка! – крикнула мать из-за закрытой двери. – А ты мне судно-то не поставила! Ведь я только пописала, но еще не...

Я сделала вид, что не слышу, и включила стиральную машину.

Сварив манку, я пошла будить Ваську. Ему до школы ехать не меньше часа на двух автобусах, поэтому, если не поднять его сейчас, он успеет только ко второму уроку. Каждое утро я придумываю новый способ его будить. Будильник, трещащий над ухом, поливание водой из чайника, щекотание пяток уже не помогает. Васька не считает это неудобствами, при которых невозможно спать. Вчера я зажала ему нос, он помучился ровно три секунды, потом открыл рот и, дыша через него, преспокойно стал дрыхнуть дальше. Я так разозлилась, что дала ему подзатыльник, чего никогда раньше не делала. Но Васька не обиделся, потому что ничего не заметил. Пришлось волоком стаскивать его с кровати: после стирки белья, не самая приятная нагрузка.

Сегодня я решила не тянуть время и сразу стащила сына на пол. Васька посидел-посидел на полу, завалился на бок и заснул.

– Ну и черт с тобой! – разозлилась я. – Дрыхни, и будешь жить на диване бедным, как папаша!

Я тут же пожалела, что так сказала, но Васька открыл заспанные глазенки и начал искать штаны.

Мне жалко Ваську, но все школы, которые находятся близко к дому – специализированные гимназии, где размеры спонсорской помощи, взимаемой с родителей, такие, что мне придется устроиться еще на три работы.

– Зайди к бабушке, – напомнила я, хотя могла бы этого не делать. За два года, с тех пор как маму парализовало, он ни разу не уселся завтракать, пока не поболтает с Ивой.

В свое время я отвоевала право называть Иву мамой, но называться бабушкой она не захотела даже будучи беспомощной и парализованной.

Еще пару лет назад мать была цветущей, здоровой женщиной, бегала по салонам красоты и мечтала сделать круговую подтяжку лица, считая, что шестьдесят – самое время начать радоваться жизни. Инсульт изменил ее планы. Деньги, собранные на пластическую операцию, были потрачены на лекарства, сиделок и массажисток. Духом мать не упала. «Любая болезнь, если ее вовремя не начать лечить, пройдет сама», – оптимистично заявила она, едва смогла говорить. Она по-прежнему запрещала называть себя бабушкой и мечтала сделать пластику. Она просила меня выщипывать ей брови и подкрашивать губы, потому что пока плохо владела руками, а выглядеть старым паралитиком не хотела. Вечерами Ива так трещала с подружками по телефону, что поверить в то, что совсем недавно она только мычала, было невозможно.

– Лорка! Не реви, – сказала она, как только смогла более-менее членораздельно говорить. – Грипп проходит, и это пройдет.

– Будешь за мной ухаживать, – довольно злорадно добавила она, на удивление чисто произнеся эту фразу.

Ваську она любила. И Васька ее любил. Иногда мне казалось, что я нужна им только для того, чтобы постирать, погладить, сварить обед и пополнить семейную казну необходимыми рублями. Когда я отдала Ваську в садик, он весь первый день прорыдал в голос. Вечером воспитательница заявила мне, недовольно поджимая губы:

– Какой у вас мальчик избалованный! Весь день плакал и требовал киви. Так и проорал до вечера: «Хочу киви! Хочу киви!»

– Да не киви он хотел, а к Иве, – объяснила я ей. – Так зовут его бабушку.

– Во детки пошли! – возмутилась воспитательница – Бабок по именам кличут! А вас он как зовет?

– Мама, – вздохнула я. – Впрочем, иногда Лора.

Простоватая воспитательница закачала неодобрительно головой. К недостатку воспитания и образования ей досталось еще и полное отсутствие чувства юмора.

– Во народ! – фыркнула она. – Бабки на шпильках шляются, накладными ногтями детей царапают, когда одевают! А мамы...

– Что мамы? – металлическим голосом перебила я ее.

– Мамочки как девочки, – сбавила она тон.

Я кивнула, простила, но она не выдержала:

– Вы все-таки ребеночка экзотической едой не перекармливайте. Свекла и морковь – самые полезные фрукты в нашем часовом поясе.

...Я положила манку на тарелку и полила сверху клубничным вареньем.

– Ма! – прибежал Васька. – Я принес Иве судно, и она дала мне десять рублей. Я его помыл, и она дала еще десять. Теперь у меня двадцать рублей и я смогу поиграть в клубе на компьютере!

– Отвратительно! – поморщилась я.

– Что?

– Отвратительно брать деньги за то, что помогаешь человеку. Особенно, если ты этого человека любишь.

– Отвратительно не брать.

– Что ты имеешь в виду? – я застыла с тарелкой в руках.

– Отвратительно не брать деньги у человека, которого любишь, если он от всей души их предлагает. Ива бы сильно обиделась, ма! Она специально от пенсии немножко откладывает себе под подушку. Для меня.

– Ты должен помогать Иве бесплатно! – крикнула я.

– Это не плата, ма, – набычился Васька. – Это не плата. Это копеечка любви. Капелька! Она же не двадцать тыщ мне отвалила!

– Тьфу!

Ваську стало невозможно воспитывать. На любую мою мораль он с ходу сочиняет свою. Как правило, такую, на которую трудно возразить. Ну что я могу сказать на то, что он взял не плату за услугу, а копеечку, припрятанную для него Ивой с пенсии? Она знает, что у Васьки почти не бывает карманных денег.

– Ма, а еще я починил Иве колокольчик, и она дала мне еще двадцать рублей. Так что сегодня я смогу поиграть на компьютере не час, а два!

Он добился того, что это его сообщение я проглотила молча.

Когда я вошла к Иве, она по-прежнему рассматривала узоры на темном окне.

– Лорка! – сказала она. – Нужно постирать шторы. По-моему, они очень грязные.

– А по-моему, нет. И потом, мы же все равно их никогда не закрываем!

– Так я и знала, – забубнила мама, – что если я заболею, мне никто не...

Я быстренько бухнула на нее накроватный столик, на него поставила тарелку с жидкой манной кашей, политой клубничным вареньем, заскочила на стул и стремительно начала снимать шторы. Если Иву осенит еще какая-нибудь идея, я опоздаю на свою новую работу. Сегодня мой первый рабочий день. Чтобы устроиться на нее, я прошла три тяжелейших собеседования, какие-то мудреные тесты, обошла трех конкуренток, поэтому опоздание было бы недопустимым.

– Лорка! – снизу подала голос Ива. – Меня тошнит он одного вида этой манки. Может, дома есть еще какая-нибудь еда?

– Конечно, мамочка! – крикнула я, едва не свалившись со стула. – Есть гречка, борщ, пельмени в морозилке, варенье, соленые огурцы, печенье и немного конфет. Да, и еще горчица!

– Тащи конфеты, – сказала Ива. – И, пожалуйста, не называй меня мамочкой! Или ты возомнила, что я на смертном одре?

Шторы я засунула в стиральную машину. Эту машину – шикарный Аристон – я купила месяц назад в рассрочку на год. Кто-то мечтает о домике у моря, кто-то о кругосветном путешествии, я мечтала о стиральной машине Аристон. Я слышала, она стирает даже кроссовки, я слышала, из нее достают чистыми и почти сухими даже одеяла. Понять мою мечту может только тот, у кого в семье есть парализованная мама. Обойтись можно без чего угодно, даже без чайника, но не без стиральной машины. При моем графике мне трудно найти время для похода в банк, чтобы, отстояв очередь, заплатить свой взнос по кредиту. Но я была готова на многие жертвы, лишь бы доставать из машины чистыми и почти сухими тяжелые одеяла,

чтобы самой убедиться, что Васькины кроссовки не обязательно выбрасывать после того, как в дождь он поиграет в футбол.

Я запахнула шторы в Аристон, нажала кнопку пуска, и побежала на кухню за конфетами. Где-то в холодильнике есть коробка «Птичьего молока», если Васька их не слопал.

– Ма, – жуя гречку, загундел Васька. – Ма-а, в школе собирают на компьютерный класс, нужно сдать сто рублей.

– У вас же еще нет занятий на компьютере!

– Поэтому по сто и собирают. Ма-а, ты же знаешь, если я не сдам деньги вовремя, то...

– То в четверти у тебя появятся тройки, – закончила я.

– Появятся, – вздохнул Васька.

– На, – я выгребла из кошелька шестьдесят рублей.

– Сто, ма!

– Сорок у тебя уже есть!

– Ма!!!

Я убежала из кухни с коробкой конфет.

– Лорка! – воскликнула Ива. – А я уже съела всю кашу! Не надо конфет. Я тебя загоняла, Лорка. Иди, собирайся на свою работу. Это что за конфеты? Лорка, это дешевые конфеты! Почему ты не покупаешь «Рафаэлло»? А что, Флюра еще не пришла? И Вадик еще не проснулся? Дай, дай сюда коробку! Я так и знала, что если заболею, ты на мне будешь экономить!

Я выскочила, закрыв за собой дверь. Иногда я совершенно искренне жалею, что язык у нее отошел быстрее, чем ноги.

– Ма! – Васька стоял в коридоре и натягивал пуховик. – Ты на мне экономишь, ма!

– Я на тебя работаю! – буркнула я.

Сейчас он заведет про собаку. Когда Васька одевается, он всегда говорит про собаку. Впрочем, когда раздевается – тоже. А еще, когда усаживается обедать и ужинать, а также, когда укладывается спать.

– Ма, ты знаешь, какая порода самая древняя в мире?

– Английский мастиф.

– Да. А знаешь, какая – самая крупная?

– Английский мастиф!

– А знаешь, какая – самая тяжелая?

– Английский мастиф!!

– Да, ма! А...

– А знаешь, какая порода жрет больше всех на свете? – заорала я.

– Английский мастиф! – крикнул Васька, скрываясь за дверь.

Шторы из Аристона я достала чистыми и почти сухими.

Флюра все еще не пришла, а мне пора на работу. Флюра Фегматовна – мамина приходящая сиделка. Она татарка, беженка то ли из Таджикистана, то ли из Узбекистана – я все время путаю. Я плачу ей гораздо меньше, чем платила бы сиделке «небеженке». Флюра позволяет себе иногда опаздывать, но я ни разу не сделала ей замечания, потому что за такие деньги не найду никого, кто бы даже просто сидел рядом с Ивой. А Флюра умеет делать уколы, ставить капельницы, она выносит судно, меняет белье, смотрит с Ивой все сериалы, сносит ее капризы, а также причесывает ее, поправляет макияж и вслух читает журнал «Космо», который я иногда ворую в фитнес-клубе, где по-прежнему подрабатываю по вечерам. Вчера, например, Ива потребовала маску на лицо из свежего творога, и Флюра сгоняла на угол дома, где бабки из соседних деревень несанкционированно торгуют сельхозпродуктами. Когда я пришла с работы, то визжала три секунды, увидев их мертвенно белые лица в каких-то струпях. Особенно мне поплохело, когда Флюра задумчиво запахнула белую массу в рот.

– Чего ты орешь, Лорка? – сухо спросила мама.

Я не стала объяснять ей, что меньше всего ожидаешь увидеть на лице парализованного человека маску из творога.

– Чего ты орешь? Тебе надо меньше смотреть телевизор!

«Мне надо меньше работать», – поправила я ее про себя. Неудивительно, что я выгляжу не так свежо и ухоженно, как парализованная мама и ее пятидесятилетняя сиделка-беженка.

Флюра все не шла, и я сделала то, чего никогда не делала раньше. Я пошла и разбудила Вадика.

– Вадик, вставай! Нужно посидеть с мамой, пока не придет сиделка!

Муж открыл глаза и голосом автоответчика сказал:

– Ты, что не знаешь, что я работаю по ночам? – Он ткнул пальцем в какие-то чертежи, лежавшие на захламленном столе. Кроме переполненных пепельниц, расчерченных бумаг и грязных тарелок, там валялись какие-то проводки, проволочки и колбочки. Я очень надеюсь, что на сей раз он изобретает не уточнитель здоровья и не усилитель молодости. Мой муж глубоко убежден, что все большие деньги делаются на ерунде, и пытается эту ерунду придумать и создать. Просто деньги ему не нужны, поэтому на текущие расходы зарабатываю я. Я давно на него не надеюсь, давно с ним не сплю, но развестись не могу, потому что без меня он сдохнет с голоду, а мы в ответе за тех, с кем...

– Вадик, посиди с мамой! Пожалуйста! Я не могу уволить Флюру, за такие деньги я больше никого не найду.

– Деньги! Деньги! – вскричал Вадик, несвежий и взлохмаченный. – Ты всегда стараешься упрекнуть меня деньгами! Ты всегда тычешь мне в нос мелким, низменным, насущным! Мне это неинтересно.

Он взял красивую паузу. По-моему, в комнате витал дух перегара, хотя бутылки нигде не было видно. Это еще один талант Вадика: без видимого присутствия спиртного умудряться напиться.

– Хорошо, я посижу с мамой. Я посижу, хотя всю ночь работал.

– Спасибо, Вадик. Мерси огромное. А что ты чертил всю ночь? – не удержалась я от усмешки. Но Вадик усмешки не заметил.

– Проект, – гордо заявил он.

– Проект?

– Да, проект. Санатория в Заполярье.

Я побежала к Иве, сообщить ей безрадостную весть о том, что до прихода Флюры с ней посидит Вадик. Когда я влетела в комнату, мама лежала с закрытыми глазами. Дыхания не было слышно, челюсть безвольно и страшно отвисла. На белом пододеяльнике безобразной, бесформенной кляксой алело пятно.

Я закричала. Закричав, я поняла, что готова стирать в два раза больше и чаще, готова менять гречку на манку, манку на конфеты, а конфеты снова на манку...

– А... ма... – я захлебнулась собственным воплем.

– Лорка! Чего ты орешь? – открыв глаза, вдруг спросила мама.

– А... ты... там... – я ткнула пальцем в красное пятно на одеяле.

– Размечталась! – ухмыльнулась Ива. – Это клубничное варенье. Я пролила немножко на одеяло. Нужно постирать, Лорка!

Я молча сняла пододеяльник и потащила в ванную.

– Лорка! Тебе нужно поменьше смотреть телевизор!

А я и не смотрю. Только слушаю иногда, когда готовлю, или убираю квартиру.

Пододеяльник я отложила в вечернюю порцию стирки и взяла косметичку. Нужно собрать оставшиеся силы и попытаться накраситься. Черт! Опять забыла купить себе тушь. Старая закончилась, кисточка совсем высохла, и ее не оживят уже ни вода, ни одеколон. Я

чуть не разревелась, уставившись на свое отражение в зеркале. Усталое, бледное, невыспавшееся лицо. А ведь первый отборочный тур я прошла только благодаря смазливой физиономии. От претенденток на это место требовалась не просто приятная, а эффектная внешность. Если не накрасить глаза, они ужаснутся своему выбору. Я зашуровала кисточкой в тюбике. Скудным остаткам туши не удалось сделать меня эффектной. Я похожа на замороженную курицу.

Ненавижу свое отражение в зеркале. Хоть я и не уродина.

* * *

Директор агентства мне не понравился. Он пытался скрыть два обстоятельства: первое – то, что он был лицом кавказской национальности, второе – то, что был с жесточайшего похмелья. Отрицая первое, он чересчур старательно говорил по-русски и перекрасился в блондина, отрицая второе, он облился парфюмом, жевал жвачку, и дышал в сторону.

Он вызвал меня в свой кабинет в начале рабочего дня. Кабинет был обвешен разнокалиберными постерами, плакатами и просто вырезками из журналов, являющимися, видимо, примерами удачной рекламы. У меня зарябило в глазах, и я вдруг пожалела о том, что дала Ваське не сто, а шестьдесят рублей, обломив ему поход в компьютерный клуб. На новой работе мне была обещана зарплата в тысячу долларов. Эти деньги позволили бы мне перевести Ваську в ближайшую к дому школу, и накопить на импортную инвалидную коляску для Ивы.

Поэтому, несмотря на то, что директор мне не понравился, я старательно ему улыбнулась.

– Так, так, – сказал Андрон Александрович. – Присаживайтесь. Поздравляю, что стали членом нашего коллектива.

Ему не понравилось слово «член» и, выдохнув в сторону, он поправился:

– Коллегой. То бишь, – он сделал упор на хорошее знание русского языка.

Продолжая улыбаться, я закивала, нехотая вдруг вспомнив о том, что не успела отстирать утром пододеяльник. К вечеру клубничное варенье так впитается в ткань, что его не возьмет никакой Аристон.

– Надеюсь, вы хорошо понимаете, что, взяв вас на это место, мы пошли вразрез с теми возрастными требованиями, которые позволяют этой работой заниматься. В вас есть шарм взрослой женщины. Сколько вам? Тридцать?

– Двадцать девять, – виновато уточнила я.

– Двадцать девять! – Он забарабанил пальцами по столу, сильно озадачив меня тем, что на ногтях у него был бледно-розовый лак, а на запястье, там, где кончался рукав черной шелковой рубашки, болталась широкая золотая цепочка.

Впрочем, может, это и к лучшему. Если шеф не столько интересуется женщинами, сколько старается быть на них похожим – это даже удобно. Буду впаривать ему косметику Oti flame, там большой ассортимент бледных лаков и бесцветных помад.

– В двадцать девять начинать карьеру шоу-вумен, конечно, поздновато. Но, учитывая ваш прошлый опыт работы... – Он откинулся на спинку кожаного кресла, мотнув привычно головой, чтобы длинный обесцвеченный чуб не лез в глаза. – Ваш прошлый опыт... Как там у вас в резюме?

Он придвинулся к компьютеру и зашуровал мышкой.

– Вот. Клуб «Робинзон», танцовщица, да?

– Да, – кивнула я, отводя глаза.

Если честно, я стеснялась этого факта своей биографии. Когда мама только заболела, денег, которые я зарабатывала, просиживая в своем полуумершем институте, стало катастро-

фически не хватать. На лечение уходили такие средства, что мы стали голодать. А тут еще Васька начал вдруг по сантиметру в месяц прибавлять в росте. Его руки и ноги по-сиротски торчали из коротких рукавов и штанин, а от худобы так обострились черты лица, что в школе он обзавелся кличкой Кощей Бессмертный. Я плюнула на приличия, воспитание, высшее образование, взяла газету «Из рук в руки» и позвонила по объявлению, где на высокооплачиваемую работу требовались девушки, умеющие хорошо танцевать. Я умела не просто хорошо танцевать. Я была мастером спорта по художественной гимнастике, и всю свою сознательную жизнь, вплоть до поступления на истфак университета, ездила по соревнованиям, занимая первые места, собирая всевозможные призы и награды. Остановило меня только замужество и рождение Васьки.

В «Робинзоне», узнав, что мне не восемнадцать, скептически усмехнулись и попросили подвигаться под музыку на сцене. На мне была широкая юбка, но я плюнула и подвигалась так, что когда музыка затихла, комиссия за столиками несколько секунд ошарашенно молчала. Потом хозяин клуба вежливо похлопал в ладоши и сказал:

– Ну, если это называется танцевать, да еще за те же деньги, то, конечно, мы вас берем.

Я уволилась из своего института, стала работать в «Робинзоне», подрабатывать тренером в фитнес-клубе, а также пополнила племя сетевиков, распространяющих косметику Oriflame. Мы более-менее начали сводить концы с концами.

– А почему вы оттуда уволились? – Андрон свел черные брови над крючковатым носом, и его чистый русский перестал быть убедительным доказательством славянского происхождения.

– Я уже рассказывала, – почему-то жалобно пропищала я, – я говорила на собеседовании, что работа по ночам не совсем, то есть не очень, ну как-то, в общем, не оздоровляюще сказывалась на отношениях в семье. Супруг был против. Муж, то бишь, – вдруг ляпнул мой язык.

Насчет мужа я наврала, но не объяснять же ему, что толстый, лысый Сулейманов, хозяин «Робинзона» все чаще стал вызывать меня к себе под утро в кабинет. Почти всегда он был пьян и требовал показать лично ему «как это ты там делаешь». Он не утруждал себя хорошим русским, намеренно коверкал слова на кавказский лад, и не старался дышать перегаром в сторону. «За те же деньги» он пытался продублировать мое выступление у себя в кабинете. К тому же Флюра намекнула, что ночные дежурства оплачиваются по двойному тарифу. Я категорически отказалась кувыркаться на кожаном диване Сулейманова, а Флюре объявила, что ночные дежурства отменяются. Я стала искать новую работу, и первое, что меня на этой работе устраивает – женственный шеф и отсутствие кожаного дивана у него в кабинете.

– Муж, значит, – резюмировал Андрон. – И ночная работа. Между прочим, в нашем агентстве тоже может случиться ночная работа. Вы же понимаете, скоро Новый год, праздники...

Я замахала руками:

– Что вы, это ерунда! Муж пересмотрел свои устаревшие взгляды! И потом, здесь же не полуголой танцевать.

– Как знать, – вздохнул новый шеф. – Клиентам в голову иногда такое приходит...

Тут я неожиданно поняла, что, пройдя три собеседования, я понятия не имею, чем буду заниматься в этом агентстве. Мне казалось, что хуже танцев у шеста только проституция, но за красивым, непонятным и умным названием – агентство маркетинговых коммуникаций «Каре» – не может скрываться простейшая и древнейшая, хотя... слово «коммуникации» мне не очень нравится. Правда, подумала я об этом только сейчас.

– Наше агентство, – будто читая мои мысли, начал Андрон, – не просто рекламное. В самом названии кроется более широкий смысл.

Он так потрогал свой чубчик, будто наощупь мог определить его цвет.

– Более широкий...

– Да, эти «коммуникации». При чем тут эффектная внешность? – обеспокоилась я.

– Вам знакомо понятие маркетинг?

– Продвижение товара и все такое... – проблеяла я, испугавшись, что он начнет гонять меня по теории, в которой я не очень сильна.

– Именно! – он вскинул вверх наманикюренный палец. – Все такое... Мы делаем больше, чем рекламу, мы делаем имидж! Мы создаем товару лицо и так выстраиваем план рекламных кампаний, что за полгода никому неизвестная марка превращается в брэнд!

Он все-таки углубился в теорию. С минуту я честно пыталась сосредоточиться на его выкладках, но вдруг отключилась. В последнее время я научилась спать с открытыми глазами. При этом я могу учтиво улыбаться собеседнику и даже ему кивать. Андрон разглагольствовал об отличительных особенностях своей рекламной фирмы, а я спала, блаженно улыбаясь и кивая в такт его речи. Проснувшись от того, что он замолчал. Я не смогла сразу вспомнить, где я, кто я, и с кем я.

– Да, мамочка! – воскликнула я ласково, чтобы Ива не думала, что мне плевать на ее давление.

– Чегой-то с вами? – женственно удивился новый начальник.

– Ой! – я вернулась к действительности.

– С вами все в порядке? Вы поняли, чем будете заниматься в агентстве?

– Конечно! Я готова заниматься ... этим.

Он странно посмотрел на меня и кивнул.

– Ну и хорошо. Костюмы у нас свои, эксклюзивные. Сценарии тоже. Идите, пообщайтесь с девочками, познакомьтесь и приступайте к делу. И помните! Большие деньги делаются на ерунде!

Я встала и пошла к двери.

– Послушайте! – Он тянул гласные как кокетка, которая не собирается упускать свой шанс. – Послушайте! Приведите в порядок свои руки! С такими руками нельзя работать! Вы что – прачка?

«Была! – чуть не призналась я. – Пока не купила красавчика по имени Аристон».

– Конечно, Андрон Александрович!

Я спрятала за спину огрубевшие от домашней работы руки без намека на маникюр и зачем-то сделала книксен.

Андрон усмехнулся, выдохнул в сторону, и сказал «Успехов!» таким тоном, будто это слово не могло иметь ко мне никакого отношения.

Все-таки директор мне не понравился. Лучше бы он скрывал свою ориентацию, чем национальность.

* * *

Зато офис был просто роскошный. В коридоре на каждом шагу красовались тропические пальмы, в огромных аквариумах плавали рыбы, которые не вошли бы ни в одну мою сковородку.

Я растерялась среди одинаковых дверей, не зная, куда мне нужно зайти, чтобы познакомиться с девочками. Наверное, Андрон назвал номер комнаты, но я проспала.

Добившись желанного места с зарплатой в тысячу долларов, я расслабилась и вырубилась на самой важной – теоретической части. И теперь бреду по роскошному коридору среди тропических пальм, не зная, в какую мне нужно комнату и какой работой предстоит заняться.

Обычно, при устройстве на работу не принято спрашивать о деньгах. Нужно делать вид, что тебе плевать на зарплату, лишь бы работать в этой расчудесной фирме. Здесь же никто не скрывал, какую сумму будут платить, но никто прямо не говорил об обязанностях. А для меня штука баксов в месяц – достаточный аргумент, чтобы, выложив про себя всю подноготную, не настоять, чтобы мне точно сказали, чем нужно заниматься. Что-то Анд- рон говорил про шоу-вумен, капризы клиентов... На одном из собеседований были тесты по актерскому мастерству. Я читала басню и... двигалась под музыку.

Навстречу мне быстро шла женщина со строгим лицом в дорогих очках. У нее был безупречно-офисный вид, подтверждающий серьезность этой конторы.

– Новенькая? – доброжелательно спросила она.

– Да! – обрадовалась я.

Может она подскажет что делать?

– Идите за мной. Меня зовут Аделина Аркадьевна. Можно Деля. Я тут универсальный солдат: и секретарь, и завхоз, иногда бухгалтер, иногда рекламный агент. С кадрами тоже я разбираюсь. Пойдемте.

Я так обрадовалась, что поскакала за ней вприпрыжку. Первый нормальный человек в этом агентстве каких-то там коммуникаций. Аделина шла впереди, огромные каблуки не мешала ей чеканить шаг и держать спину прямо. Трудно сказать, сколько ей лет, но можно смело утверждать – она хорошо сохранилась. Деля открыла какую-то комнатенку возле туалета, там была свалена старая мебель, стояли швабры, ведра и пылесос.

– Вот, – она вытащила на середину комнаты нечто похожее на луноход. – Моющий. Сама о таком мечтаю. С ним работать одно удовольствие. Вот сюда водичку, вот здесь кноп- почка. Можешь на работу в кринолине ходить и с маникюром. Этот зверь сам все делает. Начнешь с дальних комнат. И не забудь, мы занимаем только один этаж. А то одна девочка так разошлась, что еще три этажа пылесосила – риэлтеров и турагентство. А те стульчики двигали и цветочки заодно просили полить. Запомни, только этот этаж.

Я ошарашенно закивала. Может, конечно, такому крутому агентству и потребовалась уборщица с эффектной внешностью и маникюром, но басни-то зачем читать? Зачем садиться на шпагат?

Я поволокла за собой луноход. Деля вслед пожелала мне успехов.

Может, действительно, большие деньги делаются на ерунде? Я штурмовала универси- тет, потом аспирантуру, а тысячу долларов обещают за работу уборщицы...

– Опять? – недовольно спросила меня длинная девица, восседающая за компьютером в первом кабинете. – У нас что – роддом? Постоянно пылесосят. Может просто хлорочкой?!

Я молча обработала абсолютно чистый ковролин, пожалев, что напялила узкую корот- кую юбку, а не джинсы. Как ни хорош пылесос, а приходится наклоняться. И все-таки: зачем я садилась на шпагат?..

– Опять!! – воскликнул в следующем кабинете лохматый парень, отъезжая в кресле от рабочего стола, чтобы мне удобнее было работать. – Я еще не запылелся, не успел! Но спасибо, конечно!

Закрыв за собой дверь, я решила, что что-то делаю не так. Наверное, пылесоса, нужно петь и танцевать, тогда понятно, за что столько платят.

В третьем кабинете меня не сразу заметили. Там взасос, взаклеб и всерьез целовались. Если бы дама не постанывала, я подумала бы, что бородатый мужик ее придушил. Я про- читала табличку на двери: «Начальник отдела связей со СМИ» и постучала громче, чтобы они услышали и разлепились. Мужик оторвался от девицы и под ее ревностным взглядом жестом пригласил меня войти. Я опять пожалела, что не надела джинсы.

– Хотите, похлопочу, и вас переведут в модельный отдел? Зачем махать веником с такой фигурой? – спросил бородатый.

– По фигуре и веник, – тихо огрызнулась я и поспешила удрать из кабинета.

– Эй, девушка! – не обиделся начальник отдела связей со СМИ – Вы вполне можете договориться со своей напарницей и убирать мой кабинет только один раз в день. Этого достаточно!

Все недовольны моей работой, все считают ее лишней.

Следующая комната оказалась кабинетом директора. Я узнала пестревшие постерами стены и высокое кожаное кресло. Оно оказалось пустым, Андрона в кабинете не было. Я начала пылесосить. Они правы, моя уборка ни к чему, ковролин стерильно чист. Я водила щеткой по полу и думала о том, что есть же счастливые люди, которые делают любимую работу и получают за это нормальные деньги. Я мечтала быть историком, хотела заниматься наукой и делать открытия, а вынуждена пылесосить пол на второй раз, потому что богатый дядя так захотел, а я очень и очень нуждаюсь в деньгах.

Вдруг я увидела ноги. Они торчали из-под стола и на них были хорошо знакомые мне ботинки. Именно эти остроносые ботинки были на Андроне, когда он беседовал со мной. В кресле Андрона не было. А ноги под столом были. Задранная брючина открывала черный носок и бледную полоску кожи над ним.

Я закричала и выскочила из кабинета. Раньше я занималась не только художественной гимнастикой, но и пела в хоре. У меня был хороший, редкий голос – колоратурное сопрано. Думаю, меня слышали на своих этажах и риэлтеры и турагентство. Я кричала, а сердце колотилось в ушах.

Открывались двери, выскакивали люди и бежали ко мне. Длинная девица, просившая хлорку, юноша, не успевший запылиться, Синяя борода и его помятая дама. Кто-то завизжал не хуже меня. Первой подбежала Деля.

– Что?

– Убили!

Я показала на ноги, торчащие из-под стола. Я так и знала, что большие деньги на ерунде не делаются. Рядом с ними ходят страх, смерть, кровь и убийства.

Деля стройным телом преградила всем путь к мертвому директору.

– Всем оставаться на местах! – скомандовала она, и толпа послушно застыла в коридоре.

Шагом смены караула Аделина Аркадьевна промаршировала к столу и исчезла под ним.

– Кто вам сказал, что он убит? – холодно поинтересовалась она, вынырнув рядом с директорскими ногами и строго глядя на меня поверх очков.

– Никто. Я сама увидела.

– У вас большое воображение. – Откуда-то с пола она подняла пустую бутылку ликера «Бэйлис» и поставила ее у компьютера.

Вот уж не думала, что от дамского напитка можно трупом свалиться под стол. Послышались то ли облегченные, то ли разочарованные вздохи, народ стал разбредаться по рабочим местам. Никто не сделал попытку разбудить директора и усадить его в кресло.

– Пойдем отсюда, – сказала Деля. – Через час он будет в норме.

– А... как же... Его нужно посадить в кресло.

– Зачем? – удивилась Деля. – Придет клиент, а директор ни бе ни ме. А так – просто никого нет.

Она запинала директорские ноги поглубже под стол, чтобы их не было видно. В ее действиях был такой автоматизм, что я поняла – она этим частенько занимается.

– А он это... точно живой?

Деля посмотрела на меня укоризненно:

– Ты если что увидишь в следующий раз необычное, не визжи, а позови меня. Я в соседней комнате сижу.

Значит, это еще не все, что я могу увидеть?

– Хорошо, – кивнула я.

И зачем я так много и долго училась? Моя подруга Нэлька, с трудом закончившая десятилетку, после школы подалась в риэлтеры. Теперь у нее свой бизнес, две квартиры в центре, серебристый Мерседес и недвижимость в Праге. Или в Испании, я никак не могу запомнить.

– Хорошо, – повторила я как можно вежливее.

– А как вас зовут?

– Лора.

– Лора, в ваши обязанности также входит уход за растениями. Пальмочки нужно поливать и обязательно протирать листья влажной тряпочкой. Да, и еще кормить рыбок. Пойдемте, я покажу вам, где корм.

Она подвела меня к громадному аквариуму, открыла черную тумбу под ним, и показала на какие-то пакетики.

– И, пожалуйста, прежде чем орать, позовите тихонечко меня. Тихонечко. И мы решим, что с этим делать.

– С чем?

Она усталилась меня поверх красивой, дорогой оправы.

– Что – с чем?

– С чем мы с вами будем что-то делать?

– Это уж вам виднее. Мойте пальмы, Лора, мойте. И не шумите так больше. А то у нас будут проблемы с арендой. Турагентство давно хочет занять этот этаж.

Я поплелась за тряпкой и ведром. Я полила жирные, наглые, холеные пальмы, но мне показалось, что я это сделала зря: их кто-то полил до меня. Притащив стремянку, я залезла на нее, чтобы дотянуться до разлапистых листьев, но они оказались идеально чистыми. Я все равно стала тереть их тряпкой – пусть получают уход на тысячу долларов. Я помыла три пальмы и приступила к четвертой, когда дверь напротив открылась и из-за нее высунулась голова Андрона. Он подул на свой блондированный чубчик и сосредоточил взгляд на обстановке. Он увидел пальму, стремянку, меня.

– Вы?

– Мы?

– Зачем вы моете пальму?

– Деля велела. Аделина Аркадьевна.

– Вам?

– Нам.

– Странно. Пальму моет Ирина. Зачем ее мыть второй раз?

– Кажется, все, что я делаю, все второй раз.

– А что вы еще делаете? – устался он на меня.

– Я пылесосу. Пылесосу.

– Ты?! Только не говори «мы».

– Да. Но все ругаются, наверное, потому, что пылесосит еще и Ирина.

Он часто заморгал, стараясь протрезветь.

– Вы модель, Лора. Модель, а не уборщица. Идите к девочкам, в 202-ю, учите сценарий. Скоро новогодние праздники, у нас много заказов. Не надо мыть пальму! Ее моет Ирина.

Я прыгнула со стремянки и догадалась, зачем им требовалась от меня эффектная внешность.

– А рыбки? – на всякий случай уточнила я.

– Рыбки, пальмы, пылесос, кофе и сигнализация – этим ведает Ирина. Я убил на вас все утро, а вы схватились за тряпку. Вы странная, Лора!

– Деся сказала...

– И Деся странная. Все странные. А еще говорят, что я много пью.

Он тяжело вздохнул и исчез за дверью.

Из огромного аквариума на меня тарасились пучеглазые рыбы. Они были не против того, чтобы я покормила их во второй раз, но я не стала этого делать. Модель так модель. Я пошла искать 202-ю.

Еще не привыкнув, что я не уборщица, в 202-й я первым делом усталилась на пол. Ковролин и здесь был чистый.

– Привет, – сказала брюнетка, сидевшая у большого зеркала.

Комната походила на гримерную, в которую зачем-то напихали компьютеры.

– Привет, – равнодушно сказала блондинка, стоявшая с какой-то папкой у окна. – У нас уже пылесосили.

– Я модель.

Они скептически осмотрели меня с ног до головы. Я спрятала руки за спиной и шагнула за стул, чтобы мои стоптанные сапоги не очень бросались в глаза. В блондинке я признала девицу, которая визжала со мной в унисон, поверив, что шеф убит.

– Странно, ты была с пылесосом, – сказала она.

– Репетиция, – буркнула я. – Клиент заказал клип о чудесах бытовой техники. Я модель. А рыбки, пальмы, пылесос, кофе и сигнализация – этим ведает Ирина.

Они усталились на меня как рыбы из аквариума, которым не дали вторую порцию корма.

– Лора, – представилась я, вспомнив, что с девочками велено знакомиться.

– Жанна, – протянула блондинка. Она была замедленная и неестественно красивая, как резиновая кукла, которую старательно надули в нужных местах.

– Сорокина, – сказала брюнетка, поморщив безупречно правильный нос.

«Вот и мой трудовой коллектив!» – грустно подумала я.

Коллектив больше не захотел со мной общаться. Девушки уткнулись в какие-то бумаги и забубнили под нос.

– Я конфетка Белоснежка, – бормотала Жанна. – Вкусная и сладкая, белошоколадная. У меня внутри орешка, съешь меня и будет... будешь... непонятно написано. Какой кретин это писал и почему не распечатал? Я конфетка Белоснежка...

Я по-прежнему пряталась за стулом, коллеги про меня забыли. Сорокина бормотала свой текст:

– Заяц прыгает по сцене и поет: «Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, я сладкий на все сто. О, о, о.» Черт, я не хочу прыгать, я не могу петь, не умею!

Представить длинную, тонкую как указка Сорокину прыгающим и поющим зайцем было трудно. Мне стало смешно.

– Я конфетка Белоснежка, у меня внутри орешка. Ха! У меня внутри орешка? – Жанне тоже не нравилась роль.

– Заяц подводит итоги конкурса на лучшее название новых конфет фабрики «Кондитер». Приз – огромная коробка с продукцией фабрики. Заяц опять поет: «Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец...» Тьфу! Не буду, не хочу! Я не умею, блин, петь! – почти заплакала Сорокина.

– Я умею! – я вышла из-за стула и вытатила руки из-за спины. Плевать, что стоптаны сапоги, зато я пою и танцую, а Сорокина не умеет.

Сорокина вытатила на меня хорошо нарисованные глаза. Уж она-то постаралась в первый рабочий день выглядеть эффектно. Блестящие черные волосы забраны в хвост,

макияж – часа на два работы, из одежды что-то маленькое, лоскуточками, как у островитянки, а главное – абсолютно новые сапоги на километровой шпильке. Такую Деля не заставила бы мыть пальмы, а сразу направила бы в 202ю.

– Я правда умею, смотри!

Я запрыгала, одной рукой изображая хвост, другой уши.

– Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, я сладкий на все сто! О, о, о!

– Да, прыгать лучше тебе, – согласилась Сорокина. – Ну-ка, а что у тебя в сценарии?

Она дотянулась до стола у другого зеркала и взяла оттуда папку. Я догадалась, что это мой стол, мое зеркало, моя папка.

– Так! О! Карамельная палочка! «Во мне много карамели, меня нет вкусней на свете. Жуй меня, кусай меня, лижи, люби только меня». Ужас! Говорила же, интим не предлагать.

– Это детский праздник, – успокоила Жанна. – До шести лет.

– Я шучу, – огрызнулась Сорокина. – Какой идиот это писал? И почему кретин Толик решил, что из меня заяц лучше, чем карамельная палочка? Почему ей он дал палочку, а мне говнистого зайца?

– Шоколадного, – поправила я.

– Она шутит, – объяснила Жанна.

– Толик не будет возражать, если мы поменяемся ролями? – спросила я.

Сорокина пожала худыми плечами и встала, разогнув тело на высоту под два метра.

– Ну, смотри сама, палочка я хоть куда! Жуй меня, кусай меня, лижи, люби только меня.

А? Черт, знала бы я, чем мне придется тут заниматься!

Я тоже не знала, но детский праздник, конкурс, зайчик – это очень мило. После истории, это единственное, чем я хотела бы заниматься. Я уселась за свой стол. Зеркало напротив отразило мою серую физиономию с жалкими остатками туши на ресницах. Я буду хорошим зайцем – добрым и веселым, на тысячу долларов.

Я стала учить сценарий.

* * *

Новогодний праздник-презентация фабрики «Кондитер» был назначен на два часа дня в Доме культуры Железнодорожник.

Прибежал Толик, маленький, кругленький, лет сорока и заставил всех вслух повторить текст. Он одобрил, что мы с Сорокиной поменялись ролями.

– Боюсь только, костюм зайца будет тебе длинноват, но что-нибудь придумаем!

Нас посадили в микроавтобус, Толик закинул в салон тюк с костюмами, притащил коробки с подарками, и мы поехали. Ведущей праздника должна была быть Деля. Увидев меня среди девушек, она сильно удивилась.

– А вы что здесь делаете, Лора?

– Я модель.

Деля уставилась на меня своим фирменным взглядом поверх очков.

– Вы?! Тогда зачем вы пылесосили?

Я очень устала отвечать на этот вопрос, а тут опять понадобилась удобоваримая версия, на этот раз для Дели. Я решила ей польстить:

– Вы сказали, что кадрами заведуете, я думала – моделями. Вы так выглядите... Думала, может, клип какой репетируем.

– Ага, – усмехнулась Деля. – Детектив. С трупом директора.

Все в машине засмеялись, даже шофер.

– Просто вы шли по коридору такая несчастная, а Ирина давно хотела уволиться.

До ДК мы ехали почти час. Название «Железнодорожник» и зловещая аббревиатура ДКЖ досталась этому заведению культуры в наследство с советских времен. Там были самые престижные и самые дорогие залы в городе. В них выступали все столичные гастроли. Видимо, фабрика «Кондитер» очень неплохо заплатила агентству, раз презентацию решили провести именно там. Деля, сидевшая рядом с водителем, активно руководила движением:

– Не надо ехать по проспекту, там много светофоров. Давай дворами.

Толик раздавал нам указания:

– Девицы! Сцена большая, близко к краю не подходите! Там яма оркестровая – туда всегда все падают. А я потом достаю. Не снимайте с себя всякие цепочки-колечки, щели в полу. Я туда больше не полезу. И не материтесь громко за кулисами – праздник детский, в зале слышно.

– Я конфетка Белоснежка, – забубнила Жанна. – У меня внутри орешка.

– Во мне много карамели, меня нет вкусней на свете. Жуй меня, кусай меня, лижи, люби только меня, – зашептала Сорокина.

– Тут непонятно, – плаксиво сказала Жанна. – У меня внутри орешка, съешь меня и будет, будешь... что? Каракули какие-то. Что говорить-то?

Толик выхватил у нее сценарий.

– Опять не набили, черти! Съешь меня и будешь... будешь... Надо срочно придумать, ну?.. Пешка? Нет. Решка? Тоже нет.

– Душка! – подключилась Деля.

– Пушка! – крикнул водитель.

– Черт! Не душка, не пушка. Дети до шести...

– Хрюшка! – поучаствовала Сорокина.

– Не смешно, – оборвал ее Толик. – За презентацию столько денег отвалено, что не смешно. Что скажешь, Киселева?

Я растерялась. В рифме я была не сильна.

– Попробуйте «фишка». Съешь меня и будет фишка! Дети до шести поймут.

– Да, – кивнул Толик, – лучше чем «хрюшка» и «пушка». Три с плюсом, Киселева.

«Почему три?», – чуть не спросила я. У меня диплом с отличием, я никогда не получала тройки.

Сорокина с Жанной опять забубнили текст, а я заснула с открытыми глазами.

* * *

И мне приснился сон. Снов я не видела уже лет пять. Засыпая, я проваливалась в черную, теплую яму, выбираться из которой было мучительно трудно. А тут вдруг яркая, цветная картинка с хорошей озвучкой.

– Мама!

Васька бежал по аллее, на которой солнце прочертило дорожку с четкими границами тени от высоких деревьев.

– Мама! Какая порода лучшая в мире?

Позади Васьки бежал слон. У слона не было хобота, и он лаял. Значит, это был не слон, это была собака.

– Где ты взял деньги на собаку? – набросилась я на Ваську.

– Ива дала!

– Не ври! – я так разозлилась, что хотела дать ему подзатыльник, и даже занесла для этого руку. Но ее кто-то перехватил. Мне стало больно, я обернулась и увидела Вадика. Вадик был почему-то очень высокий, с волосами, стянутыми сзади в дурацкий хвост. У него

был длинный, с горбинкой нос и веселые, наглые, но при этом жесткие глаза. Это был не Вадик. Это был отвратительный тип. Такие нравятся женщинам, только не мне.

– Не надо лупить ребенка, – строго сказал не Вадик. – Это я подарил ему собаку. Ее зовут Грета.

– Ах, она еще и сучка! – вырвалось у меня.

– Не кобель, – вроде как пошутил хвостатый и отпустил мою руку.

– И сколько стоит ваш подарок?

– Тысячу долларов, – произнес он с неприятной для меня гордостью.

Меня покорило, что он с такой легкостью озвучил цену подарка.

– Разве воспитанные люди об этом говорят? – язвительно поинтересовалась я у него.

– Воспитанные люди об этом не спрашивают, – ухмыльнулся наглый тип.

– Видно, у вас денег куры не клюют, раз вы делаете такие подарки.

– Не клюют, – согласился он. – У меня достаточно денег.

– Наверное, вы плохо учились. Большие деньги делаются на ерунде, для этого не нужно образование. Уж я-то знаю!

Он сощурился и заглянул мне в глаза с настырностью врача-окулиста.

– Кто вам это сказал? Запомните, большие деньги не делаются на ерунде. Они: а) делаются большими деньгами, б) достаются по наследству, и в) долго и тяжело зарабатываются.

Он сказал это таким тоном, что мне захотелось немедленно законспектировать его слова – сказался рефлекс примерной ученицы. Но ни ручки, ни бумаги под рукой не оказалось.

Васька с Гретой куда-то исчезли. Была только аллея из высоких деревьев, солнечная дорожка, я и он. Он вдруг засмеялся. Смеялся он хорошо: как ребенок, который не заботится о приличиях – откинув голову назад, показывая ряд ровных белых зубов.

– И потом, я очень хорошо учился! Очень! И главное – долго! – крикнул он и пропал.

Я не успела спросить, какое ему до нас с Васькой дело, и чем кормить эту собаку.

* * *

– Приехали! – крикнул Толик.

Я очнулась и с трудом включилась в действительность. Мы стояли у громадного серого здания, похожего на тюрьму. Из советских времен ему досталось не только название, но и внешний вид. Толик выволок тюк с костюмами и потащил его к дверям, бороздя свежеспавший снег.

– Там призы, – Деля указала на две большие коробки. – Ну, где мужская сила?

– Не, – сказал водила, – мне за это не платят. Мое дело баранку крутить. А конфеты таскать я не нанимался.

– Я нанималась! – Деля со злостью схватила одну коробку и, пошатываясь на огромных каблуках, помаршировала за Толиком.

– Господи, – вздохнула Сорокина, – знала бы я, чем мне придется заниматься!

Коробку она не взяла, у нее были каблуки и очень короткий свингер из чернобурки.

– Слушай, – сказала мне Жанна, одергивая на себе небесно-голубую дубленку, – у тебя самая подходящая форма одежды для поднятия тяжестей.

И она ушла, бормоча: «Вкусная и сладкая, белошоколадная. У меня внутри орешка, съешь меня и будет, будешь...»

Я вздохнула, взяла коробку, и под насмешливым взглядом водителя потопала за ними. От коробки так одуряюще пахло шоколадом и еще чем-то вкусным, что я вспомнила, что с утра, кроме жидкой манной каши ничего не ела. Правда, в агентстве я заскочила в местный буфет, но цены там так меня поразили, что я, понюхав вкусный воздух, оттуда сбежала.

Теперь я тоже нюхала воздух, он пах шоколадом, печеньем, и еще чем-то, чем пахнет только в Новый год.

Идти пришлось долго, по каким-то переходам, коридорам, и лестницам.

Потом мы долго примеряли костюмы. Заяц и правда оказался мне великоват, но Толик и Деля, вооружившись булавками что-то где-то подкололи, загнули, и я смогла свободно двигаться, не путаясь в лапах.

Сорокина, поругиваясь, влезла в узкий, длинный коричневый чехол, закрывавший полностью лицо, и не дававший свободно передвигать ногами. Для глаз и рта в нем были маленькие прорезы. Сорокина фыркала сквозь них, чихала, и в сотый раз сообщила всем, что она не актриса ТюЗа, а модель.

Зато Жанна костюмом осталась довольна. На ней красовалось суперкороткое белое платье, открывавшее чулки на ажурной резинке, на ногах были высокие белые сапоги, а на голове белый капор. На мой взгляд, она больше подходила для танца кан-кан в ночном клубе, чем для детского праздника.

Детей был полный зал, заиграла музыка и Деля вышла на сцену. Она оказалась прекрасной ведущей, дети перестали носиться между рядами и затихли, слушая ее приветственные речи.

– На сцену, девицы! – шепнул Толик. – И от души работаем, от души! Помните, клиент хорошо заплатил!

Сорокина что-то забубнила в своей трубе, и еле переставляя ноги в узком одеянии, засемила на сцену. За ней попрыгала я, Жанна вышла последней.

– А вот и наши сладкие героини! – радостно воскликнула Деля в микрофон.

– Да, – вдруг не по тексту громко заявила Сорокина.

Тут я поняла, что понятия не имею, в какой последовательности мы должны играть свои роли.

– Во мне много карамели! – вдруг чересчур громко закричала Сорокина, и мелко-мелко передвигая ногами, быстро пошла вперед.

– Меня нет вкусней на свете!

Она зачем-то замахала длинными худыми руками, видимо, старательно выполняя наказ Толика работать «от души».

– Жуй меня, кусай меня...

– Стой! – крикнула Деля, но было поздно. Сорокина рухнула в оркестровую яму. В яме были инструменты, поэтому последовательно послышались звуки барабана, тарелок, гул контрабаса и других струнных инструментов. Зал захлебнулся детским хохотом и аплодисментами.

– Черт, – тихо ругнулась Деля, и подскочив к яме спросила:

– Верка, ты в порядке? Сиди там, как-будто так и надо! Дети! – закричала она бодро в микрофон. – Наша палочка такая вкусная, что ее утащил, ее съел... кто, дети?

– Контрабас! Барабан! – закричали дети.

– Дирижер! – басом закричал чей-то папа с первого ряда.

– Я кто? Я кто? – услышала я над ухом панический шепот Жанны.

– Ты конфетка Белоснежка! – тихо подсказала я.

– Ты конфетка Белоснежка! – выкрикнула Жанна.

– Я? – испугалась Деля.

– Да не вы, а она! – я устала от интенсивного шепота. – Вкусная и сладкая, белошоколадная!

Нашему дебюту грозил полный провал.

– У меня внутри орешка! – вспомнила Жанна. – Съешь меня и будет... и будешь... Хрюшкой! – выдала она вдруг версию Сорокиной.

Зал застонал то хохота.

– Кошмар! – зачем-то в микрофон сказала Деля и схватила за юбку Жанну, которая как зомби быстро пошла к оркестровой яме. Из ямы выглянула труба с прорезями для глаз и вежливо спросила:

– Можно я текст договорю?

Деля странно хрюкнула и споткнулась о длинный шнур микрофона. Дети от хохота посползали с кресел на пол. Я поняла, что нужно спасти представление и так запрыгала по сцене, изображая зайца, что из-под ног полетела пыль.

– Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, я сладкий на все сто. О, о, о! – пропела я и решила, что нужно сделать какой-нибудь трюк, чтобы отвлечь внимание от Дели, запутавшейся каблучками в шнуре. Я сделала сальто, свое фирменное сальто, но никогда раньше я не делала его в костюме зайца. Поэтому не учла, что у зайца длинные уши. Я наступила на них и с грохотом свалилась на бок. Зал уже не смеялся, он судорожно хрипел. Но я не сдалась и сделала вид, что не упала вовсе, а просто зайцу весело, он кривляется. Перевернувшись на спину, я задрыгала ногами.

– Можно я договорю текст? – спросила настырная Сорокина из ямы.

– Ха-ха-ха! – закричала я, стараясь спасти положение.

– Съешь меня и будет фишка! – вспомнила Жанна вдруг трудное место сценария.

– Друзья! – жалобно сказала Деля в микрофон. – Мы объявляем конкурс!

– Жуй меня, кусай меня, лижи, люби только меня! – не унималась Сорокина в яме.

Дети захлопали, и чей-то папа с первого ряда рассмеялся громким соло.

– Друзья, – постаралась перекричать Сорокину Деля, – Кто придумает лучшее название для новых конфет? Это необычные конфеты. Внутри у них шоколадное суфле, а сверху белая глазурь. Заяц, ну-ка принеси конфеты!

Я подсказала к огромному столу, на котором живописно была расставлена вся продукция фабрики и взяла большой прозрачный пакет с конфетами.

– Напишите на бумажках свои названия, а Белоснежка соберет их у вас! – вещала Деля. – Иди!

Она подтолкнула Жанну в спину.

– Победителю – главный приз от фабрики «Кондитер»!

– Можно я выйду? – спросила из ямы Сорокина.

– Уймись и заткнись, – зашипела на нее Деля.

– Можно! – громко сказал папа с первого ряда.

Жанна пошла между рядами с подносом собирать записочки.

– Объявишь победителем написавшего в записке название «Снежинка», – шепнула мне Деля.

– Вылезай, вкусная! – позвал папа Сорокину.

– Я сама не могу, – пожаловалась Сорокина. – У меня одежда очень узкая! И я за что-то зацепилась.

– Руку давай! – Папа подскочил к яме и протянул туда руку.

Пришла Жанна с подносом, я стала вслух читать записки.

– Глюкоза! Сладкая жизнь! Незабудка! Сюрприз! Белая ночь! Снежинка!

– Руку давай! – настаивал папа.

– Я не могу, я зацепилась, – пропищала Сорокина.

Папа сиганул в яму, вызвав резонанс тарелок и струнных инструментов. Раздались бурные аплодисменты.

– Я объявляю победителя! – крикнул мой заяц. – Им стал, им стал...

Почему победить должно название «Снежинка»? Более избитое трудно придумать.

– Белая ночь! – объявила я.

– Снежинка! – шепотом закричала Деля.
– Белая ночь! – заорал в микрофон заяц и сделал сальто, не наступив на уши.
– Ура! – на сцену выбежала маленькая беленькая девочка в бантах и рюшечках.
– Катастрофа! – выдохнула Деля, отдавая девочке главный приз – огромную коробку со сладостями. Девочка не смогла ее поднять и за коробкой прибежала счастливая мама.

И тут из ямы на сцену волосатые руки вытолкнули Сорокину. На ней были только трусы и лифчик.

– Ура, стриптиз! – закричали дети, которым было не больше шести лет. – Облизали, обсосали карамельку!

Вслед за Сорокиной вылетело ее платье-труба. Она прикрылась им, и сказала с интонацией ведущей теленовостей:

– Я карамельная палочка.

– Папа! – закричал мальчик в первом ряду.

Деля взяла себя в руки, и не обращая внимания на голую Сорокину и шум в зале, монотонным голосом завела:

– Фабрика «Кондитер» использует в своей продукции только натуральное сырье...

Сорокина склонилась над ямой:

– Вылезай, – позвала она папу.

– Я зацепился!

– Папа!

– А они уже на «ты», – подала голос Жанна, не зная, куда деть большой поднос.

– Конфеты фабрики «Кондитер» – это новые технологии, оригинальная рецептура и...

Сорокина протянула папе руку, к ней подбежала Жанна и тоже дала руку, уронив при этом поднос в яму, прямо на тарелки. Грохот поднялся такой, что Деля, плюнув на восхваления фабрики «Кондитер», тоже пошла спасать папу. К ним присоединился маленький мальчик из первого ряда. Папу достали в разодранных штанах, но очень веселого.

– Никогда не сидел в оркестровой яме, да еще с такой красивой девушкой! – радостно сообщил он залу, отобрав у Дели микрофон.

– Все маме расскажу, – сказал Сорокиной его маленький сын.

Деля, тяжело вздохнув, пригласила всех детей к огромному столу на сцене попробовать конфеты.

* * *

– Что это было?!! – налетел на нас красный и потный Толик за кулисами. – Что это было?!!

– Репетировать надо! – отрезала Деля. – А то, бац-бац, вот костюмы, вот сценарий и на сцену! С ума сойти.

Сорокина, по-прежнему в одном белье, потеряла ушибленное колено.

– Напялили на меня этот презерватив, ни шагу ступить! И кстати, ничего не видно!

– А по-моему, хорошо получилось, – хихикнула Жанна.

– Я пропал! – упавшим голосом сказал Толик, из красного становясь белым. – Почему главный приз отдали не дочке госпожи Булгаковой?!!

– Да, почему? – Деля с усмешкой посмотрела на меня.

– Кто это – госпожа Булгакова? – растерялась я.

– Кто?!! – заорал Толик, – Кто?!! Тот, кто бабки за все платил!!! Директор фабрики – вот кто!!! Они там камеры все наготове держали, а вы... Быстро переодевайтесь и в машину! Я не готов с ней объясняться! Не готов! Пусть она остынет, и мы что-нибудь придумаем!

– Репетировать надо, – вздохнула Деля.

– Бежим быстрее! – крикнул Толик.

Мы молниеносно переоделись, Толик схватил тюк с костюмами, и мы живописной толпой понеслись к автобусу.

Остаток дня в агентстве прошел тихо, никто и не думал вызывать нас на ковер. Толик сильно нервничал и все пытался выяснить, какая муха нас укусила. Мы виновато молчали, а Деля твердила одно: «Репетировать надо!»

– Что ж, будем репетировать! Во внерабочее время, – вздохнул Толик и вручил нам новый сценарий.

– Ну Андрон нам завтра да-аст!!! – добавил он уже со злорадством.

* * *

– Киселева, опять опоздала! – этой фразой хозяйка фитнес-клуба Люба встречала меня каждый вечер. Она знает, что до клуба мне добираться на трех автобусах и метро, она знает, что я сломя голову несусь со своей основной работы, в конце концов, она знает, что я не опоздала, а пришла вовремя, просто не за полчаса до занятий, а за пять минут. Но она все равно кричит, завидев меня:

– Киселева, опять опоздала!

Это такой своеобразный способ держать меня в узде. Дело в том, что я очень дорожу этой работой. Мало того, что всего за четыре часа тренировок я получаю неплохие деньги, так я еще имею здесь постоянных клиенток, которые покупают у меня косметику Oriflame. Я набираю необходимые баллы, а соответственно – дополнительные рубли.

– Киселева, опять опоздала! – проорала с угрозой мне Люба. Она оседлала недавно купленный тренажер, и пыхтела на нем, становясь пунцового цвета. Как и наши клиентки, Люба постоянно борется с лишним весом. Как и наши клиентки, она то одерживает победу, то терпит поражение.

– Вообще-то, без пяти, – попробовала огрызнуться я.

– Киселева! Наши клиенты платят не за то, чтобы созерцать, как запыхавшийся с дороги тренер впопыхах переодевается у них на глазах. Они могут подумать, что ты занимаешься ими между делом.

Опять магическое сочетание «клиент платит»! Оно висит надо мной как домоклов меч. Клиент, который платит – это бог. Ему надо молиться, его надо ублажать, и всегда надо следить, как бы он чего не подумал. В этой игре я всегда – прихожанин, и, кажется, никогда не буду богом.

– Любовь Игоревна! Мои клиенты плохо обо мне не подумают! – заверила я ее и пошла в тренерскую.

– Ну, ну! – донеслось до меня. – Не дорожишь ты местом, Киселева. А я, между прочим, в курсе, что ты на моих клиентках зарабатываешь!

Это она про мою косметику. Ну и черт с ней. Я тоже знаю, как она подрабатывает: сдает в субаренду зал каким-то бандитам, чтобы они качались на тренажерах, хотя по договору аренды делать этого категорически нельзя. Но мне об этом лучше молчать.

В тренерской я быстро переоделась, выгрузила из сумки заказанный мне товар – гели, лаки, помады, туши. Черт, я опять не купила себе тушь, только другим таскаю!

Среди моих клиенток были почему-то только девушки до двадцати пяти и дамы после сорока. Средний возраст наш клуб вниманием не баловал. Мне было трудно организовать общие занятия, распределить нагрузку. А на индивидуальных я носилась между тренажерами с часами, отслеживая личное время каждой и боясь ошибиться. У всех клиенток проблема была одна – лишний вес. Проблема, которую мне невозможно понять. Я бы с удовольствием много и хорошо питалась, мало двигалась, и толстела от безделья. Выкладывать

деньги за то, чтобы потеть на тренажерах под наблюдением инструктора – выше моего понимания. Сознательно голодать ради того, чтобы к вечеру сбросить грамм двести – придурь тех, кому нечего делать. Я сегодня, например, выпила только кофе, который организовала Ирина. И не потому, что боюсь потолстеть. Просто булочка в буфете стоила как копченая курица в магазине, а перекусить по дороге я не успела. Так что не то что лишний, но и просто вес мне не грозит.

Но самое трудное в моей второй работе – не тренировки. Самое трудное – выслушивать, кто сколько сбросил или не дай бог прибавил, и пытаться при этом давать советы. Ну не заявлять же им: заведите бездельника-мужа, парализованную маму, ребенка, который растет по сантиметру в месяц, и устройтесь на три работы.

Самая невыносимая моя подопечная – Зоя Артуровна. Перед каждым занятием она лезет на весы и кудахчет там как курица, которая собралась нестись. Сегодня, как только я вошла в зал, сразу услышала ее громовое контральто:

– Представляете, Лорочка! Еще в обед было шестьдесят девять ровно. А сейчас, шестьдесят восемь восемьсот!

– Это вы пописали, Зоя! – крикнула с велотренажера двадцатилетняя Аня. – А вот у меня за неделю три килограмма как не бывало!

– Это вы покакали! – отомстила Зоя Артуровна и слезла с весов. – Давайте заниматься, Лорочка!

Я начала занятия и к концу тренировки почувствовала, что смогу уснуть не только стоя, с открытыми глазами, но и добросовестно показывая при этом упражнения. После тренировки Зоя опять взгромоздилась на весы.

– Представляете, Лорочка! Еще минус двести грамм! Если так дальше пойдет, то через месяц я смогу ходить по подиуму. – Она довольно засмеялась. – Кстати, помните, вы интересовались щенками редкой породы? Так вот, есть такие в городе! У моей знакомой, представляете, Лорочка! Тысяча!

– Так дешево?

– Для вас, Лорочка, тысяча долларов за собаку – это дешево? – Зоя Артуровна недоверчиво посмотрела на меня.

– Долларов? – ахнула я.

– Ну не рублей же, господи! Так оставлять щеночка?

Я должна сказать «нет». Я же не идиотка, и не сумасшедшая. У меня на руках больная мама, маленький ребенок и безработный муж, кажется, алкоголик. Тысяча долларов – сумма, которую я никогда не держала в руках. Правда, теперь есть эта работа...

– Так оставлять щеночка? – Зоя снова стала разглядывать показания на весах. – Надо же, вроде как на пять грамм больше стало...

– Мальчика! – выкрикнула я так, что ее чуть не отбросило взрывной волной. – И покрупнее, слышите?

– Хорошо, хорошо, оставим кобелька. – Она попятилась и исчезла в раздевалке.

* * *

Дома стоял резкий запах гари. Я бросилась на кухню.

– Ма, я жарил яишницу, – сообщил Васька, – но забыл про это и ушел к Ваньке. Соседи вызвали пожарных, они залезли в форточку на кухню и выбросили в окно на снег горящую сковородку.

– Как в форточку? А Флюра, Ива, Вадик? Где они?

– Папа спал и ничего не слышал. Ива и Флюра включили на всю громкость телевизор и смотрели сериал. Флюра открыла настежь окно, потому что Иве нужен свежий воздух, а коляски нет. Им было не дымно...

– Не дымно?..

– Нет.

– И когда ты вспомнил, что жарить яшницу?

– Когда подошел к дому и увидел в сугробе нашу сковородку.

Васька попятился от меня.

– Мама, я ее домой принес! А Иве понравилось, что пожарные приезжали и хотели ее спасти.

Я поплелась на кухню. Там был полный разгром, копоть и грязный пол. Воняло просто ужасно.

– Ма, хочешь, я пол помою? – тихо спросил Васька несчастным голосом.

– Не знаю, – честно призналась я. – Не знаю, чего я хочу.

– Значит, хочешь, – Васька помчался за ведром и тряпкой.

Я заглянула в комнату к Вадику. Он спал. Над ним витал дух перегара, но бутылки нигде не было видно. Интересно, где он берет деньги на алкоголь?

У Ивы в комнате было очень свежо, если не сказать морозно. Она полусидела на высоких подушках и отлично выглядела. Это еще вопрос кому из нас нужно сделать круговую подтяжку.

– Лорка! – воскликнула она. – Нас тут такой капитан спасал! Усатый, в возрасте, но не старый!

– Ага! – поддакнула Флюра, сидевшая рядом с ней в кресле. – Оказывается, мы чуть не сгорели! Нам стучали в дверь, а мы не слышали!

– У нас что-то сгорело на кухне! – хихикнула Ива. – А дыма не было! Вернее, был немножко, но мы подумали, что это Людка снизу опять спалила молоко на плите. Хочешь конфеты? – она протянула мне коробку «Рафаэлло». – Я попросила Флюру, она купила для меня. Хочешь?

– Не знаю, – заплетающимся языком сказала я.

– Значит, не хочешь! – подвела итог мама и убрала коробку под подушку.

– Ну, я пошла, – встала Флюра. Она была маленькая, кругленькая и очень хитрая. Флюра никогда не говорила прямо, что ей нужно, а пыталась спровоцировать собеседника на нужное ей решение.

– Ну, я пошла, а то так холодно, так холодно, пальтишко мое совсем обтрепалось. Пойду хоть в комиссионках посмотрю что-нибудь, может, найду по деньгам. Не в мусорках же рыться! – вздохнула она, натягивая на себя в прихожей валенки, старое драповое пальтишко и пуховый платок.

– Хорошо, – кивнула я. – Я отдам вам мамино пальто с песцовым воротником. Оно все равно два года без дела висит в шкафу. Когда мама встанет, пальто выйдет из моды.

– Ой, выйдет! Точно выйдет! – запричитала Флюра. – Счас глазом не успеешь моргнуть – уже не актуально! Так зачем добру пропадать? Я за модой не гонюся, так и быть, доношу пальтишко!

– Так и быть, донашивайте, – вздохнула я и принесла совсем новое, теплое пальто.

Ива не будет против. Все равно она хочет дубленку. Когда встанет.

Флюра ушла довольная, намекнув, что моды на обувь она тоже не придерживается. Но я, кивнув на свои разбитые сапоги, сообщила, что мне тоже плевать, какой носок в этом сезоне нужно носить.

Васька так старательно намывал на кухне полы, что я не стала его ругать за вконец испорченный вечер. В раковине лежала сгоревшая сковородка и жутко воняла. Нужно было

что-то с ней делать – если не мыть, то хотя бы донести до мусоропровода. Но до него нужно идти... Я открыла форточку и выбросила сковородку в сугроб.

На кухню припелся заспанный Вадик, молча залез в холодильник, взял плавленый сырок и ушел. Он никогда не был привередлив в еде.

– Я работать, – зачем-то сообщил он мне.

Зазвенел колокольчик, я пошла к Иве.

– Лорка! У меня таракан под кроватью! Убей его, я боюсь спать – вдруг в ухо заползет? Я наклонилась и полезла под кровать. Таракана нигде не было.

– Его нет, – сообщила я Иве.

– Ну, конечно, – заворчала она, – таракан – не черепаха, он тебя ждать не будет. Ты двигаешься как описторохозная! Я так и знала, что если я заболею... Слушай, повесь шторы, я что, так и буду спать с голым окном?! Надеюсь, ты их погладила?..

И тут меня сорвало с катушек.

– Мама! – тихо сказала я. – Я не буду сегодня вешать шторы. И не буду ловить таракана. Мне насрать на грязный пододеяльник, который валяется в ванной. Я устала. Я сегодня перемыла все пальмы, пропылесосила офис, я скакала зайцем весь день, пела и плясала. А потом два часа гоняла жирных теток, чтобы они сбросили несколько грамм. Я ничего не ела, и мне нечем накрасить ресницы. Я не буду вешать шторы, мама...

– Как ты сказала, Лорка? Нас-рать?! – переспросила Ива. – Лорка! Ты молодец! А то «да, мамочка», «конечно, мамочка!» Слушать противно! Если будешь все за меня делать, я никогда не встану. Иди спи. Стой! Дай мне Васькину ракетку для тенниса, я сама убью таракана.

– Да, мамочка! – сказала я, и на автомате пошла за ракеткой.

– А знаешь, чего я хочу больше всего на свете? – спросил Васька, блаженно улыбаясь перед сном.

– Знаю, – кивнула я.

– И, между прочим, скоро Новый год! Исполнение всех желаний.

– Скоро, – согласилась я.

Я пошла спать, твердо решив, что завтра с утра я позвоню Зое Артуровне и откажусь от самого большого, самого лучшего, и самого дорогого щенка в мире. Только я закрыла глаза и провалилась в сон, раздался звонок в дверь. Я подождала в тщетной надежде, что дверь откроет Вадик. Но Вадик никогда не открывал дверь. Я натянула халат и с закрытыми глазами пошла к непрошеным гостям.

– Лора! – Я разлепила веки и с плохим изображением от помутненного сознания увидела соседку Людку. – Держи!

Она протянула мне черную, вонючую сковородку.

– Ее пожарные выбросили. Отмой, чугунок все-таки, это тебе не тефлон сраный! Вечная вещь.

Я взяла сковородку и пошла с ней спать. Если я положу ее под подушку, то третий раз ее уже никто не притащит в дом.

* * *

И мне приснился сон. Цветной, с хорошим звуком.

– Лорка, ты молодец! – сказала мама, вешая шторы.

Она обернулась, у нее был длинный, с горбинкой нос, широкие плечи, мужской голос и дурацкий хвост. Это была не мама.

– Зачем ты вешаешь шторы? – спросила я не маму.

– Кто-то же должен их повесить, – ответил хвостатый.

- А почему вы лезете в мою жизнь?
- Лезу? – удивился он. – Да нет, это вы лезете в мою!
- Я? – заорала я. – Ты даришь моему ребенку сучку за тысячу баксов, вешаешь шторы в моем доме, а я – лезу в твою жизнь?!!
- Лезешь. У меня совещание, а я вешаю дурацкие шторы. Мужика-то нет в этом доме! – он засмеялся и спрыгнул с подоконника. Потом помолчал и сказал жестко, с нажимом:
- Собаку твоему ребенку я подарил, чтобы ты поучилась радоваться. Ты не умеешь. Даже Ива умеет, а ты не умеешь! Ты трусливая, слабая дура.
- Дура?
- Дура.
- Тогда гони коляску для Ивы, мне на нее пахать и пахать.
- Ей не нужна коляска, ей нужна шуба, – сказал он и пропал. Я не успела ему сказать, что мне не помешают новые сапоги. На шпильке, с острым носком, как у Сорокиной.

* * *

Утром в агентстве на меня все как-то странно смотрели. Все – Толик, Деля, Жанна с Сорокиной, и даже начальник отдела связей со СМИ. Я осмотрела свою одежду, но ничего подозрительного не обнаружила: «скромненько, но чистенько». Порассматривала физиономию в зеркале – ни рогов, ни усов. Почему-то Деля, здороваясь со мной, сказала:

– Здравствуйте, Лора Васильевна!

Я обиделась, потому что никто никогда не называл меня по отчеству, даже в институте. Добил меня Толик.

– Лора Васильевна, – чуть не с поклоном сказал он, – вас Андрон Александрович просит зайти к себе в кабинет.

На меня напала нервная икота. Скорее всего, будет разбор вчерашних полетов в оркестровую яму, но при чем тут я?!..

Андрон сидел в кресле, в ногах у него стояла бутылка с безумно сиреневым ликером. Только ликеры бывают таких неестественно красивых цветов. «Разве мужики пьют ликеры?», – подумала я, но вспомнила, что Андрон не так, чтобы мужик.

– Как это вам удалось? – мягко и доброжелательно воскликнул Андрон.

– Это не совсем только я, – залепетала я. – Сорокина как грохнулась в барабаны, так все наперекосяк.

– Да при чем здесь барабаны, говорят, это вы все придумали! – вкрадчиво сказал Андрон.

– Я?!!

– Не скромничайте! Откуда вы знали, кому нужно отдать главный приз? У вас была информация, что его дочь в зале?

– Информация?

– Не хотите говорить, – грустно вздохнул он, и потихоньку отхлебнул из бутылки. – Ну и пусть, пусть это будет вашей маленькой тайной.

– Тайной?

– Все равно спасибо, Лора Васильевна! У нашего агентства еще никогда не было клиента такого уровня, такого масштаба!

– Не было?! – обалдела я.

– Нет.

Он подскочил, и плавный как тигр заходил от окна к двери.

– Девочке понравилось представление! Она смеялась до слез. Няня сказала, что несколько грубо, такой тупой американский юмор, но ребенок давно так не смеялся, так не хохотал!

– Это Сорокина в своем презервативе...

– При чем здесь Сорокина? Победа в конкурсе и главный приз произвели на девочку такое впечатление, что она все уши папе прожужжала.

– А как же госпожа Булгакова, не обиделась?

– Обиделась? Она получила огромный новогодний заказ на партию новых конфет «Белая ночь»! Она руки мне сегодня утром целовала, ликер вот подарила...

– Это все Сорокина, она в барабаны упала!

– При чем тут Сорокина? Теперь у нас много работы, и конечно, самая главная – вам! И другие деньги! Другие деньги!

– Валяйте, – вдруг фамильярно ляпнула я.

– Значит так, ваш Балашов хочет, чтобы мы...

– Мой?

– Ваш, не скромничайте. Это уже всем известно!

– Мне не очень, – пробормотала я.

– Ой, у вас так мило все получается! Ходите, дурачитесь, пальмы моете...

– Да, я такая, – сказала я потому, что нечего было сказать.

– Я распорядился, вам приготовили отдельный кабинет. Идите, устраивайтесь на новом месте. Комната 204. Там зеркало, компьютер. Там пальма, наконец, вы их любите. В два совещание, ждем вас, обсудим план дальнейшей работы.

– А там пропылесосили?

Он потрогал свой чубчик, хлебнул ликер и плавно сел в кресло.

– Конечно! Ира знает свою работу. Но если вам не нравится качество уборки, я ее уволю!

– Что вы! – испугалась я, – Я пошутила, я всегда шучу!

– Ой, вы такая милая! – он заискивающе засмеялся.

Что произошло там с этим призом? Кто подкинул идею, что неспроста я отдала его маленькой беленькой девочке? Но не бегать же и не доказывать всем, что я не любовница Балашова. Лучше попытаюсь выяснить, кто такой этот Балашов.

* * *

Андрон не обманул, в 204 были и зеркало, и компьютер, и пальма; кажется, ее притащили из коридора. Там была даже кофеварка и личный телефон. Я развалилась в глубоком кресле и не знала, чем заняться. Вчера нам Толик раздал новый сценарий, но должна ли я учить его, будучи обладательницей отдельного кабинета и являясь любовницей Балашова, я не знала.

Я позвонила своей крутой подруге Нэльке.

– Нэлька, – сказала я, – займи мне тысячу долларов на три месяца. Я отдам, у меня теперь работа хорошая.

– А на фига тебе столько? – удивилась Нэлька.

– Ребенку на подарок.

– Ну ни хрена себе! Я своему такие подарки не дарю!

– Так ты займешь?

– Лорка, – вздохнула крутая Нэлька, – у меня шило с деньгами. Банку кредит отдаю.

Другого ответа я не ожидала. У Нэльки всегда с деньгами шило, она если не кредит отдает, то покупает дачу в Испании. Или во Франции, я точно не помню.

– Ну и ладно, – вздохнула я.

– А что за подарок-то? – крикнула любопытная Нэлька, но я положила трубку.

Подумав, я позвонила на мобильный Зое Артуровне:

– Здравствуйте, это Лора, ваш тренер!

– Что-то случилось? – всполошилась Зоя, – Тренировки не будет?

– Случилось. Фига с деньгами.

– Что? – не поняла Зоя.

– Не надо придерживать для меня щенка! – крикнула я. – Денег нет, банку кредит отдаю.

– Вы?! – поразились Зоя Артуровна. Я положила трубку. Хорошего же все обо мне мнения: одна не может понять, зачем такой как я аж тысяча долларов, другая не верит, что банк может дать мне кредит.

В дверь постучали, на пороге возникла Деля.

– Лора Васильевна!

– Деля, мы же на ты!

Деля кивнула, но так и не посмотрела на меня строго поверх очков, она разглядывала свои красивые туфли на высоком каблуке.

– Лора, вас в бухгалтерию приглашают, зайдите, пожалуйста, Андрон Александрович распорядился.

Она не смогла назвать меня на ты.

Почувствовав себя английской королевой, я пошла в бухгалтерию. Там мне вручили конверт с деньгами, и подсунули какие-то ведомости, в которых я расписалась. В коридоре я пересчитала деньги и чуть не завопила от радости: в конверте лежала половина моего месячного заработка. Что это – аванс? Тогда почему на второй день работы и почему только мне? Жанна с Сорокиной ушли в буфет, я видела. Они о чем-то шептались, и судя по лицам, были не очень довольны. Тут я поняла две вещи: я тоже могу сходить в буфет, и мне не очень хочется доказывать всем, что я не любовница Балашова.

В буфете была большая очередь. Я пристроилась за Жанной и Сорокиной, они возвышались над толпой и меня не заметили.

– Кто бы мог подумать, что эта овца – любовница Балашова! – вполголоса сказала Сорокина Жанне.

– Сейчас мода на серых мышей, – объяснила Жанна Сорокиной. – Серая мышь с высшим образованием – теперь высший класс для олигархов. Раньше они соревновались, у чьих баб ноги длиннее, а теперь – у чьих баб институт круче.

– Ты думаешь она закончила институт?

– Наверняка. Какой-нибудь гнусный пед. Иди мед. Скорее всего, она умеет играть на музыкальных инструментах. А видела, как она прыгает? Наверное, балетом занималась и знает пару иностранных языков.

– А видела, какие у нее сапоги?! А руки?

– Теперь это для них не главное, – вздохнула Жанна.

– Пыхтишь тут пыхтишь, – прошипела Сорокина, – а тут раз – пед, мед, муз, танц, ин. яз. – и в дамки! В драных сапогах!

– Ты не понимаешь, дранные сапоги и отсутствие маникюра – это стиль.

– Не понимаю, – согласилась Сорокина, – особенно не понимаю, зачем ей работать, если она спит с Балашовым.

– Женщина, которая сидит дома, теперь никому не интересна, – опять блеснула интеллектом фигуристая Жанна.

Мне надоело слушать их болтовню, я обошла очередь и через чью-то голову протянула буфетчице деньги.

– Мне сок, курицу, салат. Еще раз курицу. Да, и булочку, три булочки. И еще сок.

Никто не возмутился моей наглостью. А во мне все выше поднимала голову любовница Балашова.

Я не справилась с едой, и остатки утащила в свой кабинет. Еще ни разу в жизни я так хорошо не проводила рабочий день. Толик, Жанна и Сорокина уехали на очередную презентацию, а я осталась дожидаться совещания у Андрона. Я уселась в кресло, сняла сапоги, вытянула ноги и заснула, закрыв глаза. Меня разбудила Деля, которая разглядывая свои туфли, пригласила в кабинет директора.

– Коллеги! – начал собрание плавный Андрон. – Наше агентство вышло на новый уровень работы. Именно нам господин Балашов заказал рекламную кампанию своих предприятий. Такого заказа у нас еще не было! Все конкуренты подохнут от зависти!

Я оказалась в компании начальников отделов, из которых знала только одного – бородатого. Я была единственной женщиной и чувствовала себя неуютно, особенно от того, что понятия не имела, кто такой Балашов и чем занимаются его предприятия. Местные новости я давно не смотрю, газет не читаю – нет времени.

Начальники загомонили, по-деловому, по-мужски, и я почувствовала себя лишней.

– Давайте распределим фронт работ, – обратился к нам Андрон. – К завтрашнему дню каждый из вас составит примерный план работы своего отдела на год и примерную смету затрат.

Все опять загалдели, теперь погромче и пооживленнее. Я растерялась – а какой я отдел? Какой фронт работ у любовницы заказчика? Но спросить не рискнула. Ни Андрон, ни начальники так ни разу и не упомянули, чем же занимается мой возлюбленный. Они умудрялись говорить абстрактно и неконкретно. Я всегда хотела научиться так говорить.

– И последнее! – воскликнул радостный Андрон. – Госпожа Булгакова с помощью нашего агентства и непосредственно с помощью госпожи Ба... Лорочки тоже заимела в лице Балашова постоянного клиента. Для своих магазинов, ресторанов, кафе он все кондитерские изделия будет заказывать на фабрике «Кондитер». Первый его заказ – огромная партия конфет «Белая ночь». И заслуга в этом нашей Лорочки!

Он жестом экскурсовода указал на меня. Я спрятала руки, но потом передумала – стиль так стиль.

– Госпожа Булгакова решила сделать Балашову новогодний подарок – большой фирменный торт от фабрики «Кондитер». Мы с нашей стороны тоже должны сделать какой-нибудь подарок. Думайте, господа, какой! Завтра в это же время соберемся у меня и каждый озвучит свою идею. И помните, оригинальная идея – не значит затратная. Думайте, господа!

Господа закивали и начали расходиться. Ушла и я. Остаток рабочего дня я провела в безделье. Я выспалась в кресле, доела остатки обеда и отказалась от четвертой порции кофе, которую принесла мне Ирина. Потом меня осенила идея побегать по близлежащим магазинам – деньги просто жгли карман. Вряд ли кто-нибудь сделает замечание любовнице Балашова, что она отлучается в разгар рабочего дня.

В магазине я поняла, что сумма, которой я располагаю, не такая уж и большая. Если купить себе сапоги, то на неделю придется забыть про буфет. Если купить Ваське дубленку, то про обеда придется забыть до конца месяца. В аптеке я хотела взять новый тонометр для Ивы, но почему-то взяла ей дорожные витамины для поддержания женской молодости и красоты. Ваське я решила взять новые зимние ботинки, но в последний момент передумала, помчалась в отдел игрушек и купила приставку «Дэнди». Электронные игрушки – это второй его бзик после собаки.

Себе я купила тушь. В два раза дороже той, которую хотела.

Я вернулась на работу, и под раскидистой пальмой прогоняла на компьютере игрушки до вечера. Теперь агентству от меня нужна идея новогоднего подарка для Балашова. Ори-

гинальная, но не затратная. Я так привыкла к тяжелому физическому труду, что понятие «идея» никак не ассоциировалось у меня с работой. Работа – это мыть, стирать, пылесосить, скакать зайцем, таскать тяжести, а идея – да я за минуту выдам сто идей. Оригинальных и незатратных. Поэтому подумаю об этом с утра. Или нет – ближе к обеду. А лучше – минут за десять до совещания.

Впервые за долгое время в конце рабочего дня я не понеслась в фитнес-клуб, а пошла. Я даже попыталась насладиться погодой: было довольно тепло, безветренно, снег красиво и долго кружился в воздухе, прежде чем лечь на землю. Если бы на мне была шуба, а не стеганый пуховик, снежинки бы, цепляясь за мех, долго не таяли. А к пуховику они прилипали и быстро как мираж исчезали, я не успевала их рассмотреть. Вдруг рядом со мной притормозила машина.

– Любим пешие прогулки? – опустив стекло, с пассажирского сиденья поинтересовался Андрон.

– Не знаю, не пробовала, – ляпнула я.

– Все шутите, – засмеялся шеф. – Вас подвезти?

Я кивнула. Меня еще ни разу в жизни не подвозил директор. В салоне пахло дорогим парфюмом, жвачкой и дамским алкоголем. Я назвала шоферу адрес фитнес-клуба.

– Понимаю, понимаю, – с доверительностью давней подруги сказал Андрон, – поддерживаете хорошую форму. Отличный клуб, дорогой!

* * *

– Киселева, опять опоздала! – заорала Люба издалека.

Я посмотрела на часы, до начала тренировки оставалось полчаса.

– Смени пластинку, – неожиданно для самой себя ответила я Любе. У Любы отвисла челюсть, но меня понесло:

– Если тебе что-то не нравится, я увольняюсь. Я задолбалась нестись сюда через весь город и слушать, как тебя заело. Я легко проживу без твоих денег, у меня новая работа и новые обстоятельства.

Люба подтянула челюсть в исходное положение и скептически осмотрела меня с ног до головы. Ухмылкой она дала мне понять, что, может, работа у меня и новая, но обстоятельства старые.

– И чего это тебя прорвало? – довольно мирно спросила она. – Нашла богатого папика? Так приоденься сначала, отожрись, подкوبي, а потом работу бросай. Иди, переодевайся.

Я опустила голову и поплелась в тренерскую. Она права, веду себя как... любовница Балашова.

Когда я вошла в зал, Зоя Артуровна уже стояла на весах и хмурилась.

– Представляете, Лорочка! Кажется, эти весы сломались. Я не могла за полдня прибавить полкило. Ведь не могла?!

– Не фиг делать, – сказала Аня с велотренажера. – Я один раз за полдня прибавила два кило. И ведь ничего не ела, только семечки щелкала.

– Ой, – всполошилась Зоя, – и я щелкала! Но ведь семечки – это не еда! Я ими голод заглушаю!

– Не еда, – согласилась Аня, – а в чистом виде подсолнечное масло.

– Мас-ло! – эхом ахнула Зоя и безумным взором уставилась на табло весов.

– Зоя Артуровна, сколько времени вы стоите на весах? – спросила я ее.

– Минуту, – прошептала Зоя.

– Пять, – поправила Аня.

– Если бы вы все это время не рассматривали стрелки, а посетили вон ту беговую дорожку, толку было бы больше.

– Мас-ло! – Зоя слезла с весов и посеменила к дорожке.

– И вообще! – гаркнула я, насколько могла гаркнуть своим колоратурным сопрано. – Девочки! С завтрашнего дня я распоряджусь, чтобы весы из зала убрали! Мне плевать на граммы, которые вы то теряете, то прибавляете. Тут не женская консультация, а вы не беременные. Здесь тренажерный зал и мы будем потеть до седьмого пота, а не прохлаждаться на весах! Начали!

Все уставились на меня так, будто я скинула с себя лягушачью шкуру и стала царевной. Только Зоя Артуровна, вперив бессмысленный взор в пространство, прошептала:

– Мас-ло!!!

После тренировки я отозвала Аню в сторонку:

– Зайдите ко мне, Аня. Меня гложет женское любопытство.

Было два обстоятельства, из-за которых я не удержалась заманить Аню в тренерскую: первое – Аня была большой сплетницей, а так как нигде не работала, то знание «где, кто, как, и с кем» сделала своей профессией; второе – она была женой владельца автобарахолки и имела доступ к кругам, которые, в которых...

– Аня, – набрав побольше воздуха в грудь, сказала я. – Аня, кто такой Балашов?

– Ой! – вскрикнула Аня. – Ярик, что ли?

– Ну, Ярик, – согласилась я, хотя понятия не имела, что такое Ярик – кличка, фирма, или код.

Задохнувшись от счастья, что можно посплетничать с новым человеком, она смогла выдать только телеграфный текст:

– Рестораны, компьютеры, мебель, бензин. Кирка, сучка, с Ворониным, с Камхой, с Петерсоном, и кажется с художником Кирьяновым, но не точно.

...Ночь, улица, фонарь, аптека. Из этих сведений картину можно составить, какую заблагорассудиться, но меня это не устраивало.

– Мне бы попонятней, – попросила я Аню. – Он что – гей? И с Ворониным, и с Камхой, и с Петерсоном, и даже, кажется с художником Касьяновым...

– Нет, он не гей, – захихикала Аня. – Это Кирка его гей.

– А Кирка это ...

– Ярика жена! – возмутилась Аня так, будто я забыла имя президента.

– А, ну да... А Балашов что?..

– Что Балашов? Работает, тусовки ненавидит, дочку обожает. А дочку Кирка нагуляла.

– Бедный Ярик! – вырвалось у меня.

– Он не бедный, – возразила буквальная Аня. – Он богатый. У него дом в поселке Солнечном, дом в Англии, квартиры в Москве, Париже, и такой счет в швейцарском банке, что он не бедный, Ярик!

– А любовница у него есть? – задала я самый животрепещущий вопрос.

– Если и есть, то об этом никому не известно, – на удивление лаконично ответила Аня.

– А лет ему сколько?

– Много, – вздохнула Аня.

Я кивнула. Похоже, это было все, что можно вытрясти из жены владельца автобарахолки.

По дороге домой я купила елку. В два раза дороже той, которую хотела купить и в два раза красивей. Испугавшись такого поступка, я решила не идти в магазин за продуктами, оправдывая себя тем, что с елкой в магазин не пустят. Будем есть, что есть.

Я еле впихнулась с пушистой елью в лифт, но туда втиснулась еще и соседка Людка. Она почему-то не нажала кнопку своего этажа, а поехала со мной на этаж выше, стойко переживая неудобства от впившихся ей в лицо зеленых иголок.

– Ты разбогатела? – спросила Людка, блестя темными глазами из-за веток.

– Почему? – удивилась я.

– Такие елки стоят всю мою зарплату!

– Это нам на работе выдают, – отовралась я, подавляя соблазн сообщить ей, что просто я теперь любовница Балашова.

– А где ты теперь работаешь? – не унималась Людка.

– Твой этаж ниже, – я вышла из лифта.

* * *

Дома царил разгром.

– Ма, – высунул Васька из-за двери шкодливую физиономию. – Я сейчас все объясню. Ура, елка! – заорал он, забыв обо всем.

Я огляделась. На полу, на стенах, на потолке, на столе и на диване лежали хлопья густой белой массы.

– Это что? – заорала я.

– Ма, я сейчас все объясню. Пришел Ванька...

Худшего начала объяснения быть не могло.

– И мы стали делать новогоднюю газету. Нам в школе поручили. И...

– И?

– Клея дома не оказалось. То есть вообще ничего клеящего. А нам картинки надо клеить. И тут Ванька придумал...

После словосочетания «пришел Ванька» самым страшным было «Ванька придумал».

– Ну?

Васька часто и испуганно заморгал. Когда я начинаю разговаривать предложениями и союзами, он меня жутко боится. Правда, у Васьки есть одна особенность: он никогда не врет. Ему в голову не приходит рассказать о ситуации так, чтобы выгородить себя.

– Ну?

– Ванька сказал, будто мама ему рассказывала, что раньше, когда в магазинах совсем ничего не было – даже клея, люди варили клейстер.

Я пальцем потрогала белые комки на подушке. Да, кажется, это крахмал.

– Ну, мы и сварили кастрюльку. Не рассчитали, он немножко убежал.

– На потолок и на диван?

– Нет, Ванька сказал, что раньше, когда в магазинах ничего не было, даже игрушек, дети кидались клейстером...

Я открыла шкаф, нашла там широкий ремень и побежала за Васькой.

– Ма, ты че, отдохнула? – закричал Васька, увертываясь от ремня. – Ма, если ты не будешь драться, я дальше расскажу, это еще не все.

Я отбросила ремень и уселась в кресло. Ваську все равно не догнать, пусть лучше расскажет.

– Клея было очень много, – затараторил Васька, соблюдая безопасную дистанцию. – Ванька сказал, что его нельзя в унитаз. Он сказал, что когда его мама была маленькая и в магазинах совсем ничего ...

– Заткнись! Продолжай.

– Клейстер выбрасывали в форточку.

Я подскочила с кресла.

– На кухне? – с надеждой спросила я.

Окно в кухне выходило на газон.

– Нет, в моей комнате, – потупился Васька.

– В кого ты попал?!

– В бабу Зину.

Худшей мишени представить было нельзя. Баба Зина умудрялась поскандалить, даже если я любезно придерживала подъездную дверь, чтобы пропустить ее вперед.

– Она что, увидела, откуда ей прилетело?

– Догадалась.

«Конечно, она догадалась, а ты не умеешь врать», – подумала я.

– Ма, я сейчас все отмою.

– А баба Зина? Будешь стирать ей пальто?

– Нет, – вздохнул Васька. – Ей нужно новое.

Понятно, еще одна претендентка на Ивино пальто, наверное, давно присмотрела, а тут такой случай подвернулся.

– Ма, ты зарплату получила?! Там из сумки «Дэнди» торчит! Говорила, мне нужны новые ботинки, а купила «Дэнди»! Хочешь, я всю квартиру перемою и все белье перестираю?!

– Не хочу. Ты сломаешь, затопишь, спалишь, забудешь, не хочу...

– Я запишу, ма!

Я пошла к Иве. Мама рассматривала себя в маленькое зеркальце.

– Флюра ушла сегодня пораньше, – грустно сообщила она мне. – У них там какое-то собрание, у беженцев. Они требуют у властей улучшения жилищных условий. Лорка, что у нас на ужин?

– Понятия не имею, – пробурчала я. – Не успела зайти в магазин за продуктами.

– Так дело пойдет, – хихикнула Ива, – придется мне вставать и ковылять на кухню, чтобы приготовить жрать. Чистить картошку, резать капусту, варить суп. Ты отвратительная хозяйка, Лорка! Я бы все успевала на твоём месте!

– С удовольствием уступлю тебе свое место!

– Лорка! – подозрительно посмотрела на меня Ива. – Ты завела мужика?

Я не сказала ни «да», ни «нет». Я промолчала. Но Ива даже конкретные ответы понимает так, как ей хочется, а уж молчание...

– Молодец, Лорка! Интересно, кто на тебя польстился?

– А что, на меня нельзя польститься?

– Трудно, – призналась Ива. – Ты похожа на бурлака на Волге. Помнишь, у Репина – группа изможденных людей тянут на веревках то ли баржу, то ли пароход? Глядя на них, думать о сексе не хочется. Слушай, притащи мне соленый помидор, что-то потянуло...

Я пошла за помидором, но вернулась.

– А ты часто думаешь о сексе?

– Думаю, – вздохнула Ива. – И мне снятся эротические сны.

Я вспомнила длинноносого.

– И мне снятся, – призналась я, но Иве это было неинтересно.

– Но помидор не имеет к этому никакого отношения, – закончила она свою мысль. –

И вообще, уже не хочу помидор, тащи яблоко!

– Нет уж! Получишь помидор, – зло сказала я ей и пошла за яблоком.

На кухне толкался Вадик, вид у него был растерянный.

– А сыра нет? – спросил он.

– Нет.

– А масла нет?

– Нет.

– А макарон?

– Я не успела сходить за продуктами.

– А можно яблоко? Одно?

Для Вадика на фрукты был наложен запрет. Фрукты я покупала только для Васьки и Ивы.

– Нет, Вадик, нельзя. Почему бы тебе самому не сходить за продуктами?

– Мне? – взвился Вадик. – Ты опять попрекаешь меня деньгами? Едой? Ты отказываешься понять, что есть вещи не только насущные и материальные?! Я работаю на перспективу, я работаю для человечества.

– А я работаю для семьи. Кстати, где ты берешь деньги на алкоголь?

– Ты хочешь сказать, что я алкоголик? – сильно оскорбился Вадик.

– Я хочу сказать, где ты берешь деньги?

– Я все отдам до копейки!

– Кому?

– Иве, конечно! Она иногда мне занимает. Что можно съесть? Здесь нет даже хлеба!

– Мы ужинаем солеными помидорами, – заявила я, зная, что Вадик терпеть не может соленые помидоры.

Он усталился на меня диковатыми глазами, и я все-таки пожалела его – отдала яблоко.

В дверь позвонили. Прибежал Васька с тряпкой в руке и зашептал:

– Баба Зина пришла за новым пальто!

Я выхватила из сумки кошелек и открыла дверь.

– Твой выродок... – баба Зина ткнула мне в нос старое плюшевое пальто с белыми разводами от плеча до пояса.

– Хватит? – я сунула ей под нос три тысячерублевые купюры. Ее кацевайка не стоила и половины.

Баба Зина вцепилась толстыми пальцами в деньги и молчала. Я добавила еще пятьсот и закрыла дверь.

– Фу ты, ну ты! – крикнула бабка. – А все нищую изображает! Небось, прости господи работаешь, раз деньгами швыряешься. Могла бы мне мамашкино пальтецо отдать, ей все равно без надобности!

Зря я ей добавила, но не отбирать же.

– Ма, я все отмыл, можно «Дэнди»?

– Я все отдам, до яблочка, – жужжал на кухне Вадик.

– Ма, давай ставить елку, до Нового года всего три дня!

Я отнесла Иве яблоко.

– Я хотела помидор, – заявила она.

– Ну и хоти себе потихонечку! – посоветовала я ей.

– Я так и знала, что если я заболею ... – засмеялась мама.

Я пошла в комнату к Вадиду. Он лежал на диване и грыз яблоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.